

Валерий ШАРАПОВ

Чужие ГРЕХИ

Молодость
все спишет.
Кроме такого...

Валерий Георгиевич Шарапов

Чужие грехи

**Серия «Советская
милиция. Эпоха порядка»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69757411*

Чужие грехи: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-192966-4

Аннотация

Романы о настоящих героях своей эпохи – сотрудниках советской милиции, людях, для которых служебный подвиг – обыденное дело.

Конец семидесятых годов. В крупном сибирском городе одно за другим происходят жестокие убийства четырех молодых женщин. Внешние признаки преступлений очень схожи: все жертвы связаны одинаковыми полотенцами, все убиты ударами тяжелым предметом по голове. Оперативники во главе с капитаном милиции Алексеем Разиным предполагают, что это явно дело рук серийного убийцы. Для советской действительности явление неслыханное! На поиски маньяка брошены все силы. Сыщики работают без сна и отдыха. Но все тщетно... Так продолжается до тех пор, пока Разин не обращает

внимание на один необычный факт, который много лет назад связал судьбы тогдашних студенток...

Это было совсем недавно. А кажется, что со времени, когда понятие чести и беззаветной преданности своей опасной профессии делало сотрудников советской милиции настоящими героями, прошла целая эпоха...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	37
Глава третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Валерий Георгиевич Шарапов Чужие грехи

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

По экстренному вызову на Станиславский жилмассив прибыл патрульный наряд. Подкатили оперативники уголовного розыска Ленинского РОВД, прибежал участковый. Вышла накладка, среагировали все, кто находился в квадрате.

Женщина кричала в трубку: «Убивают, убивают!» На просьбу хоть как-то конкретизировать ситуацию, прояснила: убивают не ее. В квартире этажом выше семейная ссора переросла в кровавую бойню.

Из выкриков явствовало: благоверная изменила мужу – мастеру литейного цеха с завода Кузьмина. Свою вину несчастная не отрицала, умоляла простить. Ее стенания слышал весь подъезд. Муж пришел с работы на час раньше, выпил для поднятия боевого духа и...

Когда микроавтобус РАФ влетел во двор пятиэтажки, патрульные на «уазике» уже находились там, только прибыли. Опергруппа возвращалась с задания, перехватила сигнал, находясь на соседней улице. Теплый вечер пятницы, конец рабочей недели... Начало лета выдалось жарким, милиция давно перешла на летнюю форму – синие служебные рубашки, серые брюки, фуражки с кокардами.

Патрульные высадились из машины, задрали головы. В курсе был весь район, окно на четвертом этаже нараспашку, фальцетом голосила женщина, что-то с треском рухнуло –

как бы не шкаф. Под кустами переговаривались зрители – жильцы окрестных домов.

– Уголовный розыск! – крикнул капитан Разин – осанистый 33-летний блондин с серыми глазами. Милиционеры не возражали, даже приободрились. – Оставайтесь здесь! – распорядился Алексей. – Выяснить, выходят ли окна на другую сторону дома. Если да, отправить туда человека. Островой, Шабанов, за мной!

Избиение продолжалось – донесся резкий крик.

Втроем они вошли в подъезд, взлетели на четвертый этаж. Под дверь 25-й квартиры, обитой дерматином, мялся молоденький лейтенант, видимо, участковый. Он тискал картонную папку, не зная, что делать. Вскинул руку, чтобы ударить в дверь, застыл, обернувшись на шум.

– Уголовный розыск, – представился Алексей. – Капитан Разин. Что тут у нас?

Лейтенант облегченно выдохнул, уступил место у двери.

– Лейтенант Носков... – он немного заикался, – участковым работаю, товарищ капитан, третий месяц всего, с контингентом плохо знаком... Соседи телефон оборвали... Полчаса уже эта пытка продолжается...

– Неблагополучная семья?

– Нормальная семья. Была, вернее... Визгун их фамилия, – участковый машинально глянул в папку, смутился. – Мужу и жене под сорок, есть ребенок шести лет. Мужик мастером на Кузьмина трудится, супруга – в отделе техниче-

ского контроля на «бетонке»... Вчера еще начали... без рукоприкладства, но орали сильно – соседка из той квартиры, – Носков кивнул на дверь с табличкой «27», – участкового звала...

– Тебя, стало быть, – уточнил Разин.

– Так точно, – сквозь бледность на щеках проступил румянец. – Пришел, провел разъяснительную работу, объяснил гражданам правила социалистического общежития... Кто же знал, товарищ капитан? – казалось, участковый сейчас расплатится. – Мужик угрюмый был, но вел себя смирно, только косился не очень приветливо. Кто же знал? – повторил участковый. – Не дебошир – член партии, хорошие характеристики с работы, вроде охоту любит... Супруга тоже присутствовала, ребенка в комнату увела, а потом вернулась. Тихая такая, запуганная. Выгораживала мужа, мол, бывает, поругались, дело житейское. Соседка потом на лестнице поймала, давай информировать: дескать, баба с кем-то спуталась. Визгун узнал, взбесился, сам не свой стал – орал, матерился, ногами топал. Но руки вроде не распускал...

За дверью что-то ухнуло, посыпались удары. Густо матерился глава семьи. Визжал ребенок, визжала женщина. Носков опомнился, забарабанил кулаком в дверь – теперь не страшно.

– Откройте, милиция! – Голос юного лейтенанта сорвался на фальцет. – Немедленно прекратите противоправные действия!

Из-за двери ответили – куда идти и что там делать. Лейтенант вспыхнул, отпрянул от двери, словно в лоб получил, беспомощно уставился на капитана уголовного розыска.

– Детский сад в натуре... – процедил сквозь зубы старший лейтенант Денис Шабанов, живое воплощение анекдота про хулигана Васю, который за драку загремел в милицию, где и проработал до самой пенсии. – Подвинься, лейтенант. Чего вертишься, как спутник?

Он оттер участкового, примерился к двери.

В текущем году в Москве было создано первое в стране специальное подразделение в составе МВД для выполнения особых миссий: захвата опасных уголовников, вооруженных криминальных групп, прочих ответственных мероприятий, требующих участия подготовленных специалистов. В некотором роде эксперимент. В прочих городах и поселках таких подразделений не было – выкручивались сами.

Шабанов хищно оскалился, напрягся и вдруг застыл: из недр квартиры донесся душераздирающий крик – попутно с трескучими ударами. Словно рубили мясную тушу. Стало нехорошо, комок подкатил к горлу. Попятился Носков.

– Что же он творит, упырь? – пробормотал, бледнея, Мишка Островой – статный русоволосый парень с открытым лицом.

Крик продолжался долго – менялись только громкость и интонации. Потом оборвался, перешел в хрип. Шабанов ударил плечом – дверь держалась. Повернулся спиной, двинул

пяткой. Хрустнуло в замке.

– Охотой, говоришь, увлекается? – восторженно воскликнул Алексей. – Денис, давай осторожнее...

– Да ладно, командир, – Шабанов ощерился, – не Нельсона Манделу освобождаем... – но все же сместился к стене – мало ли что.

За дверью взревел бык – и в тот же миг грохнул выстрел, долбанул по ушам! Стреляли из охотничьего ружья, причем неслабого. В двери образовалось рваное отверстие размером с кулак. Такое же – в двери напротив, с табличкой «27». Там испуганно завизжали, зашлепали тапки – любопытной Варваре чуть нос не оторвали!

Капитан присел от неожиданности. Ахнул Носков, пуля прошла практически рядом. Мишка Островой скатился по ступеням, сел на корточки, схватившись за перила. С этим все ясно: умирать нам рановато, жизнь на старте, красавица жена, ребенка надо на ноги поднимать, который через пару месяцев родится...

Прогредел второй выстрел – с меньшими разрушениями. Меткий стрелок угодил в косяк. Требовалось время для перезарядки охотничьей двустволки.

– Ах ты, падла... – рассвирепевший Шабанов всей своей массой ударил в дверь.

Ослабевшая конструкция развалилась, вылетел замок вместе с шурупами и огрызками дерева. Шабанов первым ворвался в квартиру, за ним Разин. Пистолет Макарова по-

кинул «сбрую», рукоятка привычно поместилась в руке. Квартиросъемщик грязно выражался, перезаряжал ружье. Крепкий боров в тельняшке, волосатая грудь, кривые ноги торчали из-под семейных трусов. В целом мужик как мужик, но только не сегодня... По квартире стелился пороховой дым, смешанный с запахом алкоголя, сверкали воспаленные глаза. Этот тип еще не понял, что натворил. Взревел, как носорог, отбросил ружье, сообразив, что не успеет зарядить.

Оружие пока не применяли – по инструкции можно, но замаешься писать объяснительные и проходить проверки.

Шабанов набросился на мужика, чтобы скрутить, но получил отпор, отлетел обратно. Дениска тоже не стеснялся в выражениях, но в данную минуту это не было подспорьем. Пистолет, направленный в грудь, преступник проигнорировал, бросился в дальнюю комнату, кажется, распахнул балконную дверь.

– Взять его!

Пробегая мимо супружеской спальни, обитой выцветшими обоями, Алексей не удержался, заглянул внутрь. И стал, оторопевший, волосы зашевелились. Вся комната была забрызгана кровью. Кровь была везде – на стенах, на потолке, на выцветшем коврике под кроватью. В углу под батареей сидела маленькая девочка с забавными косичками, прижимала к глазам ладошки, чтобы не видеть этот ужас. Взбесившийся Визгун ее не тронул!

Машинально отложилось в голове: сегодня 1 июня, Международный день защиты детей. В луже крови лежала женщина в домашнем халате, судорожно подрагивала, блуждали глаза. «Добрый» муж отсек ей руку выше запястья! Топорик, выкованный из цельного куска металла, валялся рядом с отрубленной конечностью. Над второй рукой он тоже потрудился, но не довел дело до конца. Рука держалась на сухожилиях и лоскутах кожи. Вот тебе и хваленый быт в дружной ячейке общества... Нехарактерное явление для советской страны! Так, кое-где, в качестве исключения из правил... Кровь вытекала из отсеченных конечностей, расплзалась по коврику, по крашеным половицам. Предательская тошнота уже подступила, Алексей попятился в коридор.

– Носков, срочно «скорую»! – взревел он. Где этот чертов участковый? Застенчиво мнется на пороге? – И наложить жгуты потерпевшей!

Капитан бросился в дальнюю комнату. Какие же демоны таятся в глубинах человеческой души! Дура набитая эта баба – разводиться надо было, а не гулять на стороне!

Участковый Носков, похоже, добрался до пострадавшей – парня вырвало.

– Алексей Егорович, он с балкона сиганул! – с какой-то обидой выкрикнул Островой.

Ну что за народ – ни на минуту нельзя одних оставить! В дальней комнате стоял черно-белый телевизор «Сигнал», стенка средней паршивости местной мебельной фабрики. До

зала семейные страсти не докатились, ограничились спальней, возможно, кухней. Капитан выскочил на балкон, где уже находились оперативники. Визгун оказался ловким, несмотря на габариты, прыгнул не на землю (к сожалению), а по диагонали вниз – на балкон квартиры в соседнем подъезде. Под гул собравшейся во дворе толпы переваливался через перила. Балкон был пустой, места хватало. Визгун обернулся, показал прокуренные зубы. Разум в голову, похоже, не возвращался.

– Визгун, стой, стрелять будем! – выкрикнул Островой. – Не отягощай, ты уже достаточно накуролесил!

– Леха, разреши шмальнуть? – взмолился Шабанов. – Он же не мишень, а загляденье! Ну давай, не насмерть – в ногу...

Милиционеры, стоящие внизу, сообразили – действительно, сколько можно изображать зрителей? Двое бросились в подъезд.

Разин на глазок оценил расстояние – не понравилось. Преступник был на кураже, об опасности не думал.

– Отставить! Упырь не вооружен, замаемся потом отписываться. Так возьмем.

Визгун тряхнул балконную дверь, выломал шпингалет и вторгся в квартиру. Донесся женский вопль. И там баба! Картинку можно представить – чудище с воспаленными глазами, в трусах и тельняшке! Все это смахивало на преступное бездействие.

Алексей бросился с балкона:

– За мной!

В спальне над пострадавшей возился участковый – давился рвотой, но что-то делал. «Скорая» еще не приехала – она не реактивная.

Алексей скатился по ступеням, отбросил подъездную дверь – лязгнула пружина. Шабанов наступал на пятки, перехватил ее, иначе огреб бы по лбу. Алексей влетел в соседний подъезд, запрыгал через ступени. На площадке третьего этажа мялись милиционеры. За дверью снова голосила женщина. Дежавю какое-то...

– Мужики, выносите дверь – под мою ответственность. Считайте это приказом...

Вынесли исправно – в две ноги. Дверь легла, оторвавшись от петель. По ней ворвались в квартиру. Данное жилище было просторнее предыдущего и обставлено лучше: цветной телевизор в гостиной – львовский «Кварц»; стенка – вроде даже импортная, пол устилал ворсистый ковер ручной работы.

В квартире до появления Визгуна находилась только квартиросъемщица. Смертельно испуганная, она заперлась в ванной, подавала оттуда сигналы бедствия. Возможно, преступник планировал взять ее в заложницы, чтобы вырваться. Куда он, интересно, собрался в одних трусах?

Отчаянный вопль огласил прихожую. Визгун двинулся в рукопашную, мелькнул здоровенный кулак. Капитан Разин оказался на острие атаки, ударил плечом в корпус, как обу-

чали на занятиях по рукопашному бою, погрузил свой кулак в рыхлый живот. Развивая успех, вывернул руку – преступник взвыл от боли, скорчился. Подбежавший сержант ударил ногой в живот, дал по загривку сцепленными в замок кулаками. Не удержался и Шабанов – пнул подонка по ноге, потом еще раз – и совершенно не хотелось его останавливать.

– Эй, гражданка, выходите! – Островой ударил по двери в ванную комнату. – Это милиция, опасность миновала!

Но гражданка не спешила выходить, хотя и притихла. Во дворе слышалась сирена – прибыла «скорая».

Милиционеры вытащили сникшего Визгуна во двор. Руки преступника сковали наручниками. Водитель милицейской машины распахнул зарешеченный отсек. Визгун тяжело дышал, был бледен как смерть.

– Ну, ты debil, – покачал головой Шабанов. – Кукушка полетела, приятель? Хоть сейчас соображаешь, что натворил?

Визгуна стали загружать в машину – он начал упираться, хрипел, чтобы его отвели к его Наденьке, он должен быть рядом. Он ни в чем не виноват, потому что не помнит, что делал! Он законопослушный член общества! На этих словах Шабанов отвесил ему оплеуху, схватил за шиворот и затолкал в машину. Брезгливо вытер руки о штаны, проворчал:

– Вот же мразь. Уже не выйдет, пусть даже не надеется... Задержанный выл как волк на луну, просил проявить снисхождение, дать возможность вернуться к семье. Твердил

без умолка: «Наденька моя, Варюша моя...» – и от этого становилось тошно до предела.

Машина ушла, Алексей облегченно вздохнул. Медики вынесли из квартиры на носилках пострадавшую, погрузили в салон. С головой не укрыли, значит, жива. Водитель включил сирену, и «скорая» подалась со двора.

Часы показывали начало седьмого. Вечер по-прежнему был тихим и томным. Под кустами шушукались жильцы – тема для обсуждения была значительной. Прибыла старая, но хорошо сохранившаяся «Волга ГАЗ-21», вышли двое представительных мужчин с чемоданчиками.

– Мое почтение неутомимым труженикам, – приветствовал оперов старший эксперт-криминалист Борис Давыдович Колкер – мужчина полностью седой и без двух минут пенсионер. – И что вы на сей раз натворили, молодые люди?

– Мы натворили? – на всякий случай уточнил Островой.

– А я что сказал? – эксперт простодушно хохотнул. – Ведите, друзья мои, говорите и показывайте...

Освободились лишь к семи вечера, устали как собаки, настроение было траурное. Криминалисты сжалились – ладно, ступайте, закончим без вас. Соседка снизу забрала девочку, пообещав связаться утром с социальными работниками. Малышка шмыгала носом, утирала глаза кулачками. Прибыл слесарь из ЖЭУ (пока еще трезвый), угрюмо уставился на выломанную дверь 25-й квартиры. В ней зияла дыра разме-

ром с Ленинский район. Потом исследовал вторую дверь, в 27-ю квартиру, где дыра была чуть меньше. Перебрался в соседний подъезд, оценил тамошние разрушения. Вернулся огорченный, с укором уставился на милиционеров.

– Ну а что? – немного смутился Шабанов. – Милицейские будни, дядя. Слушай, Леха, а нам за это ничего не будет?

– Я тебе не Леха, – огрызнулся Алексей.

– А кто? – удивился подчиненный.

– Сегодня – Алексей Егорович, желательно шепотом. Как вариант – «товарищ капитан».

– Плохи дела, – резюмировал Островой. – Потеряем премию, уйму времени на сочинение объяснительных... А в чем мы виноваты-то? Под огнем, можно сказать, работали.

По телефону в 25-й квартире Разин позвонил в 3-ю клиническую больницу, куда увезли потерпевшую. Больная на операции. Пока жива, но потеряла много крови. Исход неясен. Вторую руку пришлось ампутировать – ввиду полной невозможности ее сохранить. В данный момент находится без сознания.

– Какой же урод... – шипел Островой. – В голове не укладывается... Нет, бывает, конечно, что по ревности просто убивают, но чтобы вот так... – он замолчал, решив не продолжать.

– А ты бы, Мишка, что сделал, если бы Юлька тебе изменила? – с подковыркой спросил Шабанов.

– Дал бы тебе в морду, – разозлился Михаил. – А по-

том... – задумался, начал бледнеть.

– Достаточно, – перебил Разин. – Начнем воспринимать чужую боль – выродимся как работники. В общем, дуйте домой и на всякий случай сидите на телефонах. А я поставлю «рафик» и отмечусь в отделе, надеюсь, не задержусь. Пятница как-никак.

– Уверены, товарищ капитан? – осторожно спросил Островой. Глаза у парня зажглись. Принял физкультурную стойку Шабанов.

– Проваливайте, – поморщился Алексей. – Пока не передумал.

Одиннадцать лет назад союзное Министерство охраны общественного порядка переименовали в Министерство внутренних дел. Те же действия провели с республиканскими министерствами. В то же время советские милиционеры получили дополнительный выходной – субботу. Не всегда везло с этим днем, но случалось всякое. Могли вкалывать без выходных и праздников, ночевать на работе, забывать, как выглядят домашние. Но подобная практика, слава богу (и, конечно же, партии), отходила в прошлое. Бессменный с 1966 года министр Щелоков всеми правдами и неправдами поднимал престиж советской милиции. Отчасти удавалось, отчасти нет. Чиновники понимали – только отдохнувший работник может стать образцовым милиционером.

Через двадцать минут Алексей добрался до райотдела.

Пятница чувствовалась и здесь – работников в здании заметно ubyло. У оставшихся наблюдалось приподнятое настроение. У кого-то дача на носу, у других – рыбалка, ремонт, беготня по базарам... Протопали по коридору заступающие в наряд сотрудники патрульной службы – закончился инструктаж у начальства. У этих оснований радоваться не было, но работа есть работа.

В отделе было как в продуктовом магазине – шаром пока-ти, все разбежались. Впрочем, начальник отдела майор Варламов еще не покинул свой пост – выглянул из-за распахнутой дверцы шкафа. Он рылся в бумагах, часть папок валялась на полу. Поднимать их Виктор Павлович не спешил – уборщица поднимет, не такие уж секреты. Прикрыл дверцу, направился к столу, вывалил на него стопку бумаг. Пылевое облако взметнулось к потолку, но майор успел отклониться.

– Нарисовался, не сотрешь, – проворчал он, опускаясь на стул. – Что с лицом, Алексей? Чувство вины или как это называется?

– Есть немного, Виктор Павлович, – согласился Разин, направляясь к своему столу, где царил относительный порядок. – Домой, я гляжу, не рветесь?

– Какое тут домой, – отмахнулся Варламов, – судьба моя такая – разгребать после вас. Наделаете – а кто выпутываться будет?

– Вы сейчас о чем?

– А то ты не догадался? – Варламов устремил на подчи-

ненного тяжелый взгляд. Особой вредностью Виктор Павлович не отличался, самодурство не практиковал, но спросить мог жестко. Жилистый, рослый, с массивной угловатой челюстью и фактически седой головой – в прошлом месяце он отметил 58-летие. Бодрился, молодился, о заслуженном отдыхе даже не помышлял, но чувствовалось – устал человек. Да и партбилет в кармане неимоверно давил.

– Доложили уже о ваших успехах, – проворчал майор, делая недовольное лицо. – Почему вы оказались на Станиславском жилмассиве? В вашу задачу входило прибрать Мокрого, доставить в обезьянник и с чувством выполненного долга разъехаться по домам. Решили вкусить трудности патрульно-постовой службы? Так это у нас легко – только попросите.

– Мимо ехали, Виктор Павлович, – Алексей соорудил покающую мину. – По рации передали...

– Стреляли? – съязвил Варламов, копируя Саида из «Белого солнца пустыни». – Ваше служебное рвение – да на прямые бы обязанности...

– Этот урод Визгун своей жене руки отрубил, – проворчал Разин. – Только не язвите, товарищ майор, что заслужила. Никто такого не заслуживает. Как же ей жить теперь?

– Может, и не придется, – Варламов поморщился. – Пять минут назад сообщили из больницы: Надежда Васильевна Визгун пребывает в крайне тяжелом состоянии. Критическая потеря крови. Ночь может не пережить. Случай действительно вопиющий, – Варламов почесал карандашом

уху. – Семейное насилие – наш бич, хотя и пережиток старины глубокой, – поспешил он добавить. – Всякое бывает – избивают мужья своих жен, порой жизни лишают – о чем потом искренне жалеют. Но чтобы вот так – руки топором... Интересно, что его надоумило?

– Можем спросить, – осторожно заметил Алексей.

– Да, обязательно спросим. Ладно, Алексей, что сделано, то сделано. Вы, по крайней мере, не мялись под дверью, как остальные. Благодаря вам пострадавшая еще жива, а Визгун не бежит по городу с окровавленным топором. Что с Мокрецовым? Насколько я знаю, в следственном изоляторе арестанта с такой фамилией нет.

– Неудачно съездили, – покаялся Разин. – Сбежал гражданин Мокрый. Почуял опасность, собрал манатки – и на Восточный вокзал, где, кстати, взял билет до Красноярска и, скорее всего, уже в пути. Мы связались с линейными отделами на пути следования состава. Есть надежда, что возьмут.

– Или он сошел на первом же перегоне, где поезд сбросил скорость, – хмыкнул Варламов. – А то и вовсе взял билет для блезира, а сам покинул область на попутном транспорте.

– Может, и так, – согласился Алексей. – А я предупреждал, что такое может случиться. У Мокрецова информаторы везде, даже в милиции. Но нет, вам же хотелось все сделать по закону: получить дополнительные улики, санкцию от прокурора, который, как назло, приболел...

О возможном ограблении одного из отделений Госбанка

СССР органы предупредил осведомитель. К сожалению, не знали даты и места. Охрану отделений усилили постовыми милиционерами. Налет состоялся, но на другое учреждение – Промстройбанк СССР.

Банковская система страны была не столь сложной, но все же насчитывала ряд организаций. Преступники имели свои источники информации. Но все же просчитались – в отделении, куда они нагрянули в масках, улов оказался невелик. Но все же больше, чем ничего – порядка 50 тысяч рублей. Персонал проявил благоразумие, в драку не полез (деньги были не свои), милиционеры получили легкие травмы. Бандитов, участвовавших в акции, отловили в течение недели. Деньги не нашли. «Казначеем», по некоторым сведениям, был некто Мокрецов, бывший сотрудник Внешторгбанка, проходивший по делу о крупном мошенничестве. Отсидел пять лет, занимался сомнительными делишками, но вторично в поле зрения органов попал лишь на прошлой неделе... По всему выходило, что Мокрецов сделал ноги с деньгами. И искать его теперь будет не только милиция, но и обманутые подельники – те, что остались на свободе...

– То есть виноваты все, но не ты, – сдвинув брови, заключил Варламов.

«Именно», – подумал Разин.

– Я такого не говорил, товарищ майор. За Мокрецовым следовало установить наблюдение. Это моя недоработка. У нас же куча людей, которых нечем занять.

– Не юродствуй, – Варламов скрипнул зубами. – И что думаешь, Мокрецов пустился в бега, прихватив наличность?

– Да, Виктор Павлович. Это тысяч 50–60. Неплохо, но мало, – Алексей усмехнулся. – Едва хватит на безбедную жизнь. Все, товарищ майор, больше не шучу, простите. Если это сто- или пятидесятирублевые купюры, то багаж не бог весь какой – все влезет в хозяйственную сумку. На что он рассчитывает, непонятно, но выбора человеку не оставили. Самое лучшее в его положении – забуриться в глухую деревеньку, зарыть деньги, отсидеться с полгодика... Банда обезврежена, мирные граждане не пострадали. Пропажа государственных денег, конечно, серьезная издержка...

– Ладно, разберемся, – Варламов стер ладонью пыль с верхней папки, покосился на подчиненного: – Что сидишь? Проваливай домой.

– Можно? – встрепнулся Алексей.

– Пока да. И молись, чтобы на выходных тебя не дернули.

– А вы?

– Посижу еще. – Виктор Павлович покосился на стену, украшенную переходящим вымпелом победителя социалистического соревнования с отрезанной головой В. И. Ленина (руки бы оторвать тому художнику). Вымпел получили три месяца назад – за отличные показатели в работе. Переходил он, похоже, долго, выцвел, истрепался, покрылся подозрительными пятнами, похожими на жировые.

Спешить начальнику уголовного розыска было некуда.

Супруга скончалась от рака четыре года назад, потерю Виктор Павлович переживал мучительно, время не лечило. Другую женщину не завел, хотя обладал представительными данными. Дочь с семьей жила и работала в Хабаровске. В квартире вместе с Варламовым проживала сестра покойной супруги – особа дородная, активная, неведомым образом получившая права на жилплощадь. Как такое произошло, Виктор Павлович не мог объяснить – воспользовалась горем человека. Суровый и жесткий на работе, в быту он был беспомощен и слаб. Никаких отношений со свояченицей не было и быть не могло, жили соседями. Единственная радость – кормила. Но сегодня ушла в ночное (трудилась по медицинской линии), ужин майора не ждал. Раз в три месяца Виктор Павлович взбрыкивал, клялся, что выгонит из квартиры эту «приживалку», но воз оставался на месте.

– Хорошо, товарищ майор, только не засиживайтесь, – Алексей дошел до двери, обернулся: – Кстати, Виктор Павлович, в трудные жизненные периоды помогают пельмени с мышатами. Покупаете три пачки, суετε в морозилку. Продукт, слава богу, не в дефиците. Пачки хватит на три холостяцких ужина – проверено. Эти изделия вполне можно есть – с оговорками, но можно.

– Да иди ты, – проворчал Варламов. – погоди, а почему с мышатами?

– Старая легенда, товарищ майор. В чаны, где крутится фарш, регулярно соскальзывали мыши. Но, возможно, это

был электрик, мнения разнятся. – Разин поспешил уйти, пока не прилетело чем-нибудь тяжелым.

Капитан милиции тоже проживал один – в левобережной части города, на улице Станиславского, застроенной помпезными «сталинскими» домами. До работы было тридцать минут ходьбы, а если не ломался старенький отцовский «Москвич» – всего десять. Великая сибирская река делила полуторамиллионный город на две части. Миллион проживал на правом берегу, остальные – на левом.

Ленинский район, где жил и работал капитан Разин, находился в левобережье. Шестиполосная магистраль прорезала жилые кварталы, тянулась на три километра. Неподалеку – Дом Советов, средоточие партийной и советской власти района, напротив – помпезный монумент памяти павших на войне сибиряков. За монументом – обширный ухоженный сквер, любимое место отдыха горожан.

Район Алексею нравился, здесь отсутствовали промышленные предприятия, было много зелени. В зоне пешей доступности – колхозный рынок, любимый народом и переодетыми в штатское сотрудниками ОБХСС.

Алексей пристроил «Москвич» у торца здания, вернулся на улицу. В доме, где он проживал, работал магазин кооперативной торговли и магазин со странным названием «Радость». Точка, в принципе, продуктовая, внутри красиво, несколько отделов. В остальном – ничего радостного. Как в

анекдоте: «У вас рыбы нет? – У нас мяса нет. А рыбы нет в соседнем зале».

Коопторг еще не закрылся, сквозь стекло матово проступала очередь к прилавку. Перспектива провести в магазине остаток дня совсем не окрыляла. Всеобщий дефицит начался не сразу. В начале семидесятых в магазинах еще можно было что-то купить. С каждым годом ситуация ухудшалась, целые категории товаров переходили в разряд недоступных. То, что оставалось на прилавках, особенно в овощных магазинах, имело жалкий вид. Спасали дачи и походы на рынок – там было все, но втридорога. В остальном выручали знакомства, умение пролезть в игольное ушко. И это касалось не только товаров народного потребления, но и услуг. Без «мохнатой лапы» практически невозможно было получить качественную медицинскую помощь, отремонтировать машину, квартиру, получить нужную справку, съездить в санаторий. Огромные очереди становились спутником жизни – к прилавкам магазинов, за пивом, в ЖЭУ, в райсовет, в поликлинику, за билетами на поезд или самолет. Ползучая напасть накрывала все сферы жизни. Народ отрывался в анекдотах. «Уверенно идем к коммунизму, а есть нечего». – «Так кормить в дороге никто и не обещал».

Алексей покурил, прохаживаясь по тротуару. Подступали сумерки, машин становилось меньше, людей на тротуарах – больше. Лето начиналось без сюрпризов – не падал снег, не хлестали проливные дожди. Температура не опускалась ни-

же двадцати — даже по ночам.

Выбросив сигарету, он свернул во двор, заросший старыми тополями. С дороги дом смотрелся нарядно. С обратной стороны все было проще — выпадали кирпичи, крошился бетон, скрипели разошедшиеся двери подъездов. На заднем крыльце магазина курили грузчики, матерились вполголоса. Выпорхнула стайка — продавщицы разбегались по домам, волокли хозяйственные сумки. Наружу торчали палки колбасы, что-то еще — недоступное общей массе населения. И не подкопаешься — неликвиды, просрочка, всегда найдут объяснение. Такие реалии: тащи с работы хоть бы гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость...

Квартира на четвертом этаже осталась от родителей. Жилье выдавало государство — бесплатно, люди десятилетиями стояли в очередях, старились, умирали, не дождавшись собственных «квадратных метров». Счастливчики радовались обретенному жилью — в основном это были жилые массивы на окраинах, панельные пятиэтажки с крохотными комнатами. Стать владельцем кооперативной квартиры тоже было непросто — особенно людям с обычной зарплатой...

Родители погибли шесть лет назад — еще не старые, полные сил. Отец возглавлял районный отдел ОБХСС, ни копейки не украл за всю жизнь. Мама преподавала в институте легкой промышленности. В тот день сломался «Москвич» (он это делал регулярно), поехали на дачу на общественном транспорте. Большегрузный «КамАЗ» со сломан-

ными тормозами снес загородную остановку, где стояли четыре человека. Медицина оказалась бессильна – части тел собирали на обширной территории. Водитель «КамАЗа» почему-то выжил, даже получил какой-то срок.

Дачу Алексей продал в тот же год – коллеге из смежного отдела...

Окна квартиры выходили во двор. Вид из окна открывался только осенью – когда с тополей опадала листва. Деревья подступали к дому, ветки скребли по балконам. В квартире было пыльно, неуютно. Здоровые потолки, маленькая кухня, на удивление просторные комнаты и узкий санузел, в котором невозможно развернуться. Странно раньше строили, не то что сейчас – все дома и квартиры под копірку. Из мебели за последние шесть лет он купил только кухонный стол да телевизор – если можно его считать мебелью. Цветные «ящики» не признавал – не научилась еще отечественная промышленность клепать цветные телевизоры; аппараты ломались, краски были тусклые. И какая польза от этого цвета, если половина программ – черно-белые?

Не любил он сидеть дома – постоянно что-то гнало, осаждали призраки прошлого. Родители смотрели со стен.

Алексей лежал, вытянув ноги, помылся. Образ женщины с отрубленными руками уже не преследовал. Кухонный телевизор работал хуже, чем в спальне, по экрану плыли полосы. Не хотелось его смотреть. Все чаще на экранах страны появлялся Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич

Брежнев – не заметить эту тенденцию мог только человек, полностью отказавшийся от телевидения. Плохих новостей в стране не было. Все шло по плану, страна цвела и хороше-ла, эпоха развитого социализма продолжалась уже лет пят-надцать. «За бугром» гнивал капитализм. А в СССР стро-или школы и детсады, вводили в строй немыслимые кубо-метры жилья. Гремела и росла на глазах Байкало-Амурская магистраль – стройка века, ей посвящали песни и докумен-тальные фильмы. На БАМ устремлялись стройотряды, иска-тели приключений и алиментщики со всех уголков страны. Слово «БАМ» слышал каждый, но далеко не каждый искал на карте этот небольшой участок железнодорожной ветки, от которого не так уж много и зависело...

Пельмени «с мышатами» бодро прыгали в кастрюлю. Алексей стоял у плиты и помешивал воду, норовящую вы-плеснуться. Предстояли выходные, в которые нужно себя чем-то занять. Бормотал телевизор – про очередные дости-жения трудящихся под чутким руководством коммунисти-ческой партии. Если абстрагироваться от мелких неурядиц, неустройства, преступности, того же дефицита – страна пе-реживала мирное время. Уверенность в завтрашнем дне ста-ла фактом. Пусть небогатый будет день, не особо интерес-ный – но все же спокойный и предсказуемый. Не было войн, вооруженных конфликтов, в которых участвовала бы стра-на. Война во Вьетнаме закончилась шесть лет назад – пол-ным разгромом американской военщины. Конфликт на Да-

манском – и вовсе десять лет прошло. Всыпали китайцам, чтобы больше не лезли. Сами понесли потери и все же отстояли клочок суши на реке Уссури, которую опять же не каждый найдет на карте. Два дня шли тяжелые бои, а когда китайцы подтянули подкрепления, по ним ударили русские «грады» – преемники «катюш» – и все смешалось в кучу, конфликт сдулся, как воздушный шарик...

Завершилась война в Египте. Советский Союз помогал Ираку, Сирии, выбравшим социалистический путь развития. Многое тревожило – та же революция в Иране, где к власти пришли исламисты во главе с аятоллой Хомейни. Видимо, не лучший вариант – первым делом новые власти ликвидировали марксистские организации. Отношения с Китаем оставались сложными (напали зачем-то на Вьетнам, где, естественно, получили по шее и откатились), в Афганистане происходило что-то нежелательное. Начиналось нормально – свергли Дауда, ставленника капиталистов, у власти свои ребята – коммунисты во главе с Тараки. Но что-то не так, в стране пылает гражданская война, американцы подбрасывают дровишки в костер, и чем все это закончится, никому не известно. Тараки просил Советский Союз о военной помощи – политическое руководство сочло такое решение нецелесообразным. Будут дальше просить – жалобить, приводить аргументы. Главное, не вступать в войну, пусть все само образуется...

Пельмени перекочевали в тарелку. Вперемешку со сли-

вочным маслом – вполне съедобно. Расслабление накатило. Телевизор продолжал бурчать. Диктора Кириллова сменила симпатичная Светлана Моргунова – заслуженная артистка РСФСР. В стране все было хорошо. И впрямь хорошо, просто народ заелся. Полным ходом шла подготовка к московской Олимпиаде. Отгремел в минувшем году Международный фестиваль молодежи и студентов в Гаване – вся страна распевала «Берег золотой – в Парадеро, Куба далеко, Куба рядом!» Холодная война завершалась разрядкой – готовилась встреча в Вене Генерального секретаря и президента Америки Джимми Картера. Предполагалось, что подпишут договор об ограничении стратегических наступательных вооружений – ОСВ-2, и разрядка в отношениях с Западом станет непреложным фактом...

Тарелка опустела, переместилась в раковину. В шкафу коротала деньки половина бутылки водки, но пить не хотелось. Вопреки распространенному мнению, к бутылке прикладывалась не вся страна.

Пошли спортивные новости, нахлынули воспоминания... Жена ушла второго февраля – тихо-мирно, собрала вещи и растаяла. Алексей обрывал телефон ее мамы – бесполезно. Теща только огрызалась. Светка как в воду канула. Объявилась через неделю, сказала, что пряталась у подруги, не хотела никого видеть. Все кончено, нашла человека со спокойной профессией, зла не держит, плохого не помнит, и не надо истерик – она все решила. На квартиру не претендует – пусть

радуется (да и не могла, квартира уж точно не делилась). Поразмыслив, Алексей тоже пришел к выводу, что брак был ошибкой – пробой пера, так сказать. Просуществовали год, детей не завели – да и не собирались.

И все же грусть-тоска съедала. Но держался, даже выпил пару раз, хотя к спиртному относился ровно. Сдерживал порывы бросить все и помчаться к Светке, сбить заслоны в виде тещи и тестя, поклясться в вечной любви и торжественно пообещать, что сменит профессию... Выстоял, спасался в работе, как чувствовал, что через месяц отпустит.

Страна с восторгом смотрела хоккей по телевизору: сборная СССР проводила серию матчей со звездами НХЛ. Канадцев и американцев громили как шведа под Полтавой. Кульминация – матч 11 февраля в Нью-Йорке. Наши забивали без остановки! Практически все отметились: Михайлов, Жлухтов, Балдерис, Макаров, Ковин, Голиков... Шесть – ноль, вот наше вам с кисточкой! Люди утирали слезы радости, восторгались, как дети, – даже те, кто был далек от хоккея. И только капитан Разин сидел один в квартире, с выключенным телевизором, тянул стопку за стопкой, упивался своими страданиями...

Все прошло, словно и не было. В марте он был готов к труду и обороне. Несколько легких интрижек, как разминка перед чем-то большим...

В дверь негромко постучали. Он вздрогнул. И зачем об этом подумал? Коллеги с работы не стали бы стучать – есть

дверной звонок. Стучать могла лишь Валентина – соседка с пятого этажа, бездетная 32-летняя вдова, учительница русского языка, заиклившаяся на правильном произношении и написании. Алексей задумался, посмотрел на часы. Стук повторился. Делать нечего – Валентина могла видеть из окна, как он вернулся домой. Алексей пристроил в раковину чашку с недопитым чаем, пошел открывать.

Соседка смотрелась недурно – фигуристая, с распущенными волосами, одетая во что-то домашнее, но явно предназначенное для соблазнения. Женщина была умная, вела себя скромно, стояла, потупившись, ковыряла носком цементный пол. Морщинки в уголках глаз ее не портили, даже вызвали интерес. Валентина держала формочку для выпечки пирога, крытую тарелкой – не пустая пришла. Пока в квартире проживала Светка, Валентина вела себя прилично: «здравствуйте», «до свидания», ничего не значащие взгляды. Как Светки не стало, взгляды стали осмысленными, слова – значительными. Однажды позвала передвинуть шкаф – передвинул. В следующий раз не закрывалось окно – решил проблему. Попили чаю, поговорили за жизнь. Затем оборвалась настенная полка – катастрофа вселенского масштаба. Очевидно, долго ковыряла стену, чтобы полка обвалилась. Пришлось постараться. Чашку чая сменила рюмка коньяка – на удивление приличного. Остался на ночь, утром вернулся домой – озадаченный и немного расстроенный. Валентина дружила с головой – навязчивость не проявляла. Через пару дней он

сам к ней поднялся – засмеялась, втащила в квартиру. Вдова оказалась веселой – ночь пролетела незаметно, а утро на работе выдалось трудным. Встречались нерегулярно, только при обоюдном согласии, порой создавалось впечатление, что у Валентины есть кто-то другой, хотя домой она его не вносила.

– Добрый вечер, Валентина Петровна, – учтиво поздоровался Алексей. – О, вы сегодня с тортом? И такой красивый костюмчик одели...

Она оценила подковырку, вздохнула. В принципе капитан милиции писал и говорил грамотно, верно ставил ударения. По русскому языку имел твердую пятерку с минусом, по литературе – четверку с плюсом. Одноклассники удивлялись: и за каким ты пошел в милицию, раз такой грамотный? Алексей отшучивался: затем и пошел, чтобы забыть эти дурацкие правила.

– Не юродствуйте, Алексей Егорович, – мягко сказала соседка. – У вас нет проблем с русским языком, возможно, именно этим вы меня и удивили.

– Хорошо, что только этим, – улыбнулся капитан. – Тогда анекдот. Ночь. Пьяная в стельку учительница русского языка после вечеринки закрашивает вывеску на магазине «Обои», сверху пишет – «Оба».

Соседка прыснула.

– Не смейся, Алексей, я с серьезными намерениями, – всмотрелась в его вытянувшееся лицо, засмеялась. – Один

– один. Прекрасно помню о нашем договоре: никаких обязательств, никакой ревности, расспросов о личной жизни, назойливости, домогательств и тому подобного. Не хочешь встречаться – не встречаемся. Появляется кто-то еще – без претензий. Ты же выходной сегодня-завтра? – Валентина перешла к делу. – На работу не гонят?

– Вроде нет, – пожал плечами Алексей, – пока спокойно.

– Слушай, поехали ко мне на дачу. Полчаса по Ордынке – и первозданная природа. Там мама, но мы сделаем вид, что ее не замечаем. Ты просто друг, а то, что спим в одной комнате, – вынужденная мера. Забор лег, починить надо. Он правда лег. Ты же мастер на все руки? Развеемся, на речке посидим, вина попьем на закате. И никаких обязательств. Правда. Надоело мотаться одной, да и мама теребит, когда же я наконец кого-то себе заведу... Хоть помолчит один выходной. Соглашайся, Алексей, просто отдохнем.

«На заборе», – мысленно хмыкнул Разин.

Чувства к соседке отсутствовали – с ней было просто хорошо.

«Не засада ли?» – возник резонный вопрос. Женщина умная, знает, что делает. А что? Съедутся, поженятся, разменяют две квартиры на шикарную жилплощадь напротив горисполкома, продадут еще одну дачу – вместе с мамой...

– Ты уже улыбаешься, – обрадовалась Валентина. – Поверь, никакой западни. Если появятся каверзные планы, ты узнаешь о них первым.

– А это что? – Алексей покосился на форму для пирога.

– Взятка, – объяснила Валентина. – Извини, отрезала кушочек, не удержалась. Вернулась из школы, делать нечего. Так мы договорились? Утром забегу и поедем. Если бензина не жалко, то на твоей машине.

– А сейчас не зайдешь? – спросил он на всякий случай.

– Сейчас? – Соседка задумалась. – Жалко тебя, с работы пришел, сил нет, от начальства влетело... Отдохни. Давай так, – она плутовато улыбнулась, – я поднимаюсь по лестнице, и если до поворота ты меня не остановишь, то увидимся завтра. Идет? Ну, пока, – хитрая особа развернулась и, призывно покачивая бедрами, устремила вверх.

– Остановитесь, Валентина Петровна, – смех заклокотал в горле. Он отступил от порога и распахнул дверь. Соседка засмеялась и вернулась обратно...

Глава вторая

– И кто придумал эти понедельники? – ворчал под нос Мишка Островой, пытаясь отыскать что-то нужное на заваленном бумагами столе. Работник он был неплохой, смывленный, но какой-то неорганизованный.

– Ого, – удивился Алексей, входя в отдел, – кто рано встает...

– Того кот разбудил, – буркнул Мишка. – Ковер висит над кроватью, эта зараза забралась на него под самый потолок да как сиганет сверху... Юлька от страха чуть не родила, я сам заикаться начал... И все, уснуть уже не мог, пошел на работу...

– Сочувствую, Михаил. А представь, еще ребенок появится, тоже однажды на ковер заберется...

– Да типун вам на язык, Алексей Егорович... – молодой сотрудник окончательно скис.

Третьим появился Денис Шабанов: вошел, хлопнул дверью, поздоровался:

– Утро в хату, товарищи офицеры, чего такие нерадостные? – добрался до своего стола и, развалившись, заразительно зевнул. Посмотрел на часы, удовлетворенно кивнул: успел. Достал из пачки сигарету, стал ее разминать. Теперь и покурить можно.

Ровно в восемь отворилась дверь и, кашляя, источая за-

пах перегара, вошел капитан Николай Крюгер – как всегда, неряшливый, обрюзгший, с пустыми глазами. Под дружное молчание собравшихся он дошел до своего стола, сел и с тяжелым вздохом обхватил голову. Товарищи переглянулись. Капитану Крюгеру едва исполнилось сорок, но выглядел он на все сто. Одиночество и пьянство добили хорошего человека. На работе он еще держался, но в свободное время тормоза отказывали – напивался в дым. Работник при этом был ценный, сыщик от бога, но вот это пагубное пристрастие...

Год назад Крюгер потерял жену – благоверная погибла под колесами лихача, переходя дорогу. Преступника не нашли – только успели заметить «Жигули» первой модели. Искали неделю, опрашивали очевидцев, проверяли все машины со свежими вмятинами. Нужный автомобиль как в воду канул. Дело осталось нераскрытым. Крюгер лично искал виновника аварии, не спал, рвал жилы, но дело так и не сдвинулось. Словно призрак поработал, не существующий в реальном мире. После этого капитан покатился по наклонной, стал пить, замкнулся. Обязанности выполнял, но через раз и без огонька. Сдал партбилет – к счастью, без последствий. Сына забрала теща и увезла в отдаленный район области.

– Николай Акимович, ты в порядке? – осторожно спросил Алексей. – Нельзя же так пить, право слово. Нарвешься когда-нибудь, спишут к чертовой матери...

– Спасибо партии родной, – хрипло проворчал Крюгер, – вчера не выпил ни одной...

– А чего же от тебя так несет? – удивился Островой.

– В субботу выпивал... – Капитан поднял голову, обвел пространство мутным взглядом.

Шабанов присвистнул:

– Ни хрена ты оторвался, дружище... В натуре, Николай Акимович, завязывай бухать. Мы тоже не дураки накатить, но с головой-то дружим.

– Ты хоть что-то делаешь, чтобы стать нормальным человеком? – спросил Островой.

– Пью за это... Ладно, отвернитесь, в норме я, – Крюгер передернул плечами, как-то резко мотнул головой. – Чай есть в этом доме?

– А то ты не знаешь, – ухмыльнулся Разин. – Сам заварить, няньки кончились. А Лидия Александровна сегодня задерживаются.

На этих словах распахнулась дверь и возникла гордость и краса отдела – старший лейтенант Лидия Александровна Белозерская. Эффектная тридцатилетняя брюнетка – а сегодня даже в форме. Она имела симпатичное, хотя и несколько надменное лицо.

Буркнув «здрасьте» и задрав нос, Лидия Александровна прошествовала к своему столу и грациозно села. За ее перемещениями следили четыре пары глаз. Даже Крюгер выбрался из болезненных переживаний и навел резкость.

– Насмотрелись? – спросила Лида. – А теперь за работу, товарищи.

– Вы прямо как на парад, Лидия Александровна, – подметил Алексей. – Мы что-то пропустили? День милиции вроде в ноябре. Или надеть нечего?

– Гы-гы, – осклабился Шабанов.

– Как смешно, – передразнила его сотрудница. – Вам бы поменьше язвить, Алексей Егорович. Куда это вы дружно вляпались в пятницу? Думаете, мы не знаем? Земля слухами полнится. Вот вернется Виктор Павлович с планерки, за ним примчится подполковник Сергеев, и будем вас... Впрочем, не будем называть вещи своими именами. Куда идти, Алексей Егорович? – Лида вскинула голову.

– Никуда, – проворчал Алексей, – вы уже пришли.

– Слушай, а ты чего такой загорелый? – запоздало подметила коллега. – Где был?

«Не где, а с кем», – мысленно поправил Алексей.

Выходные, или, как говорят у буржуев «уик-энд», у него удались. Самому не верилось. Это точно была засада, хотя и мягкая. Мама Валентины усердно делала вид, будто проживает в параллельном мире: сновала бестелесной тенью, загадочно улыбалась. Вечер на реке – даже в воду залез, чтобы показать спутнице, что умеет плавать – прошел на ура. Шашлыки с шампанским, последующая ночь... Падающий забор подпортил немного картинку, но не всю. Алексей чувствовал себя неловко и не мог взять в толк, как теперь себя вести. Видимо, требовался тайм-аут.

Не дождавшись ответа, Лида нахмурилась. Она пришла в

отдел в середине марта – перевелась из Кировского РОВД. Так и назвали ее явление: «мартовские иды». Начальство рекомендовало товарища Белозерскую как толкового работника и в принципе не обмануло.

Интрижка была недолгой – буквально несколько встреч в гостинице «Обь». Паспорта не предъявляли, хватило служебных удостоверений. Прошло все неплохо, но как-то не по-людски – во всех отношениях. Воспоминания об «ускользающей» Светке еще не стерлись в памяти, на горизонте появилась соседка Валентина. И самое скверное – Лидия Александровна имела живого, хотя и не совсем здорового мужа (какого-то технаря-чертежника), а также восьмилетнего сына по имени Юрий, за которым присматривала свекровь.

«Сложно все у нас, Лидия Александровна, – признался Алексей на последнем свидании. – К чему нам это? Чувств нет и не предвидится, ты замужем, а нам работать вместе – дай бог, до пенсии. Останемся коллегами, по возможности, друзьями».

Она бы продолжала – разводиться не хотела, но в интимном плане в семье не клеилось. Но пришлось признать – действительно нехорошо, ненужно и бессмысленно. Работать надо, а не амуры крутить. Сошлись на том, что «может быть, когда-нибудь». Коллеги что-то чувствовали, бросали заинтересованные взгляды, но потом перестали.

Последним объявился майор Варламов – закончилась планерка. Занял рабочее место, уставился на Разина – тяже-

ло и неприязненно. Становилось неуютно, сбывались предсказания Лидии Александровны.

– Вот скажи, Алексей, какого рожна вы подались в пятницу на Станиславский жилмассив? Давай без шуточек вроде «стреляли» или про обостренное чувство долга. Там теперь такое...

Алексей деликатно молчал. Ситуация вышла из-под контроля – самую малость, ничего страшного. Преступление не пресекли, но могло быть хуже. Из органов не попросят – не за что. Могут премии лишить, шут с ней, такую премию не жалко.

– Ладно, – Варламов отмахнулся, – потом.

Он обвел пространство колючим взглядом, потянул носом, встретившись глазами с Крюгером. Проводить разъяснительную работу было бесполезно – только увольнять. Задержался глазами на одетой по форме Белозерской – немного смягчился, вроде как одобрил. «Отдел вдовцов и разведенных», – шутили коллеги за стенкой – борцы с хищениями социалистической собственности. Мишка Островой при этом как-то напрягался и впадал в транс. Коллеги преувеличивали, но тенденция наблюдалась. Лида пропускала скабрезные шуточки мимо ушей, Шабанову вообще все было фиолетово – в этой жизни он жениться не собирался.

– Первое, – сказал Варламов, – гражданка Визгун, пострадавшая от рук своего ревнивого мужа, жива. Кризис миновал, ей провели переливание крови. Пока без сознания, но

врачи полагают, что самого страшного уже не случится. Теперь ей предстоит учиться жить без рук.

– Это хорошая новость, – оживился Алексей, – ну, не то, что ей придется жить без рук...

– А протезы бывают? – задумался Шабанов.

– Бывают, – кивнул Варламов. – Но не у нас, а на проклятом Западе. Достать их практически невозможно. Наши протезы – так, для красоты. Хотя и красотой это не назвать. Ребенка временно переведут в интернат, а там будет видно... Вторая новость: гражданина Мокрого, бежавшего с деньгами, нашли.

– Просто утро хороших новостей, – восхитился Алексей.

– Я бы на твоём месте не радовалась, – заметила Лида. – Обрати внимание на выражение лица Виктора Павловича.

– Она права, – согласился Варламов, – найдено тело Мокрецова. На мусорке – вблизи остановочной платформы Жеребцово.

– Зачем его выбросили? – не понял Крюгер.

– Николай Акимович, ты лучше помолчи сегодня, не гони волну, – поморщился Варламов. – Значит, надо было – вот и выбросили. На теле – больше десятка ножевых ранений. Денег при покойном не обнаружили. И что-то нам подсказывает, что люди, загнавшие его в капкан, уже далеко. Видимо, часть пути гражданин Мокрецов собирался проехать на электричках. Расследование прекращать не будем – пропали финансовые средства государства. Подождём, может, где-

нибудь всплывут. Ехать в Жеребцово нет смысла, тамошние опера работали все выходные, но на след преступников так и не вышли. Вроде видели незнакомую машину с томскими номерами, но история темная. Предоставим эту часть работы товарищам с периферии. А сами утешимся тем, что банду налетчиков все же обезвредили. Теперь неприятное дело. Даже не знаю, кому из вас его поручить... – Варламов медленно обвел взглядом личный состав. Это напоминало нетленное: «К доске пойдет...», нависла тяжелая пауза.

– Дело вот в чем, – смилостивился майор, – ученики девятого класса 22-й средней школы отмечали окончание учебного года, хорошо выпили. Школа непростая, в ней учатся отпрыски не последних людей города. Уже поняли, Лидия Александровна, что произошло дальше?

– Боюсь – да, Виктор Павлович, – Лида смутилась. – Но я не собиралась вас перебивать...

– Вот и умница. Один из пьяных отроков, некто Леонид Куленин, изнасиловал девочку из параллельного класса – Лену Цыпленкову. Последняя была в хлам, насильник положил ее на стол и при всем честном народе... Девочка под конец пришла в себя, стала кричать...

– Ужас, – покачала головой Лида. – Какой, говорите, класс?

– Девятый, – сказал Шабанов, – нормальный класс. Уже можно. Ну, если договоришься...

– Ох, Шабанов, когда же ты начнешь фильтровать базар, –

посетовал Варламов, – или просто думать головой. Расклад такой. Все произошло на глазах подростков. Куленин был пьян, но трезвее Цыпленковой. По рассказам ребят, он давно хотел сделать с ней что-то подобное. Как бы она ему нравилась. И вот случай представился. Леонид – сын второго секретаря Октябрьского райкома партии. Цыпленкова – племянница главы Ленинского Совета народных депутатов.

– Замкнутый круг, – восхитилась Лида, – разрешите, продолжу? Первое, что приходит на ум – замять. Но как, если все видели? История уже расползлась. Будь кто-нибудь из главных героев попроще, скажем, сыном медсестры или дочерью инженера, замять бы удалось. Даже со свидетелями. Пригрозили бы, предупредили о последствиях. Но у нас история сложнее. По бедному мальчику плачет «малолетка» – как торжество социалистической законности. А жертве – вселенский позор. Но разве сын второго секретаря партии в принципе может сесть?

– Если показательно, то – да, – вставил Крюгер. – И иногда, кстати, надо. Показать, что все перед законом равны. А так – согласен, ситуация щекотливая. Родственники Цыпленковой ополчатся на Кулининых. Монтекки и Капулетти, блин. Тупик.

– А делать что-то надо, – усмехнулся Алексей. – Есть одно решение, которое с оговорками устроило бы всех. Вы же понимаете, о чем я?

– Женитьба! – расхохотался Шабанов. – Со сколько там

можно? С шестнадцати? Исполнилось, поди. Если нет, то подождут. Клань породнятся, сыграют свадьбу, и пусть совокупляются, сколько влезет. Ой, простите. И жениху урок, как умирять свое хозяйство.

– Вот только невесту никто не спросил, – подметил Островой.

– Да фигня, – отмахнулся Денис, – через год разведутся, и все забудется.

– А почему вы заговорили об этом, Виктор Павлович? – спросил Алексей. – Все понятно, что расследовать?

– Нечего, – согласился Варламов, – но расследовать надо. Так считает начальство, связанное с кланом Цыпленковых. Наша задача – собрать неопровержимые улики против Кулемина. Заново допросить всех участников вечеринки, настойчиво напомнить об ответственности за дачу ложных показаний... И возьмется за это неприятное, дурно пахнущее дело... – взгляд майора уперся в Крюгера. Капитан занервничал, стал чесаться.

– Палыч, ты серьезно? Побойся бога...

Взгляд начальства переместился на Лиду.

– Товарищ майор, это провокация! – Лида нешуточно забеспокоилась. – Я ведь женщина, у меня семья, двое детей, я вам не прокладка между мафиозными кланами...

– У тебя один ребенок, – напомнил Шабанов.

– Нет, двое, еще муж, младшенький...

Громкий гогот прервало вторжение начальника РОВД

подполковника Сергеева. Невысокий, плотный, с глубокими залысинами на яйцевидном черепе, подполковник кипел от ярости. Он ворвался, остановился посередине кабинета и исподлобья уставился на сотрудников. Те вспомнили про субординацию, стали вразнобой подниматься.

– Весело вам, товарищи офицеры? Смешно, как в цирке? – процедил он, сверля присутствующих налившимися глазами. – Позвольте полюбопытствовать, чем вызван смех в рабочее время? Закрыли все дела? Нашли пропавшие из банка деньги? С кем я работаю... – взгляд начальства уперся в выпел победителя социалистического соревнования. «Не верю», – говорил его суровый взор.

– Федор Михайлович, так это самое... – растерянно забормотал Варламов.

– Молчи, Виктор Павлович! – взревел подполковник. – Не умеешь контролировать подчиненных, так стой и не отсвечивай! Разин! – Сергеев резко повернулся к Алексею, у того чуть не выстрелило в спине, – какого хрена было в пятницу?! Ты зачем поперся на вызов, который был не твой? Решил помочь патрульному наряду? Конечно, у нас же времени и возможности – вагон! А давайте еще кому-нибудь поможем? ОБХСС, например! Раскроем парочку цехов, пусть порадуятся ребята. Фарцовщиков погоняем. Или отделу по делам несовершеннолетних. А почему нет? Возьмем на поруки какой-нибудь детский сад!

– А что не так, товарищ подполковник? – Алексей на вся-

кий случай сгруппировался. – Преступник калечил женщину, мы не знали, когда придут патрульные... Все закончилось благополучно... сравнительно: преступник обезврежен, гражданка Визгун осталась жива...

– История пишется победителями, – прошептал Крюгер. С похмелья он был образцом красноречия.

– Что? – Подполковник осекся, уставился почему-то на Лиду. Та неудержимо стала бледнеть.

– Я ничего, – прошептала Лида. – Меня, товарищ подполковник, там вообще не было...

– Конечно, вы же у нас не просто так, вы у нас по связям с общественностью, – съязвил Сергеев. – Что с вами сегодня, Белозерская? – он недоверчиво разглядывал ее мундир. – Почему вы в форме?

– Постиралась, – прошептал Крюгер. Подполковник не услышал. Шабанов конвульсивно вздрогнул.

– Разин, объяснительную мне на стол! – продолжал разоряться Сергеев. – И пока не напишешь, не отчитаешься, домой сегодня не уйдешь!

– Товарищ подполковник, объясните, в чем дело, – проворчал Алексей.

– Он еще спрашивает! Ладно, основания для взлома двери в квартиру семейства Визгун у тебя имелись, допустим. Но какого хрена вы взломали дверь девятой квартиры? Допускаю, что ломал не ты, но все происходило под твоим контролем!

– Минуточку, товарищ подполковник... – Алексей наморщил лоб. – В эту квартиру спустился с балкона Визгун – после того, как порубил свою жену. Мы преследовали опасного преступника, действовали по обстановке. В квартире находилась женщина. Визгун пребывал в состоянии аффекта, мог расправиться и с ней...

– В квартире проживает начальник отдела пропаганды Ленинского райкома партии товарищ Шевчук, – отрезал Сергеев. – В тот же вечер он написал жалобу самому Горячеву, которой немедленно дали ход – невзирая на выходные! Его жена свидетельствовала, что дверь взломали сотрудники милиции!

Алексей не верил своим ушам.

– Позвольте, товарищ подполковник. То есть то, что дверь взломала милиция, она заметила. А то, что к ней лезет сумасшедший мужик в трусах – нет?

– В этом товарищ Шевчук также обвиняет вас, – упорно гнул свою линию Сергеев. – И в этом, согласись, есть резон. Во-первых, вы не должны были дать Визгуну покинуть его квартиру. Во-вторых, с чего вы взяли, что Визгун причинил бы вред гражданке Шевчук? Пролетел бы мимо, выбежал в подъезд...

– Увидел бы сотрудников милиции и заскочил бы обратно в квартиру, взяв в заложники жену начальника пропаганды, – настаивал Разин. – Проще дверь починить. Средства им, надеюсь, позволяют?

– А вот это не тебе решать! Ты кем себя возомнил, Разин? Получаю от одних, получаю от других... – подполковник схватился за голову. – То история с подонком Кулениным, школа которого даже не в нашем районе, то этот Шевчук, который даже вникать не стал в обстоятельства! Пришел он, видите ли, домой, дверь лежит, жена в испуге... И не перечь мне, Разин, уяснил? Я начальник, ты дурак! И плевать, что со своей колокольни ты где-то и прав... – Сергеев выпустил пар, немного смягчился. – Почему я должен постоянно прикрывать вас? А меня кто прикроет? Пиши рапорт, Разин, и за работу. Что стоим, как на выданье, товарищи офицеры? Работа сама себя не сделает!

– Мы знаем, – вздохнул Крюгер, – работа не Одесса, в тумане не растает...

– Что? – Сергеев резко повернулся.

– Что? – не понял Крюгер.

– Да ну вас, – отмахнулся Сергеев, – остряки, мать вашу, – он внезапно потянул носом и с подозрением уставился на Крюгера.

– Усталый вы какой-то, Федор Максимович, – посочувствовал Варламов. – Спина болит? Сельское хозяйство на даче поднимали?

– Поднимешь с вами, – фыркнул Сергеев. – Только доехал – уже бегут с поста охраны: вам звонок из секретариата горкома! Все, работайте, – он повернулся к выходу. Потом остановился, что-то вспомнив: – Ан нет, еще не все. Теперь

радостная новость, товарищи, – серое лицо начальства озаорила злорадная улыбка.

– К нам едет ревизор? – сник Варламов.

– Хуже. В ваш отдел направлен практикант – зеленый недоросль из юридического института. Практика у них между семестрами. Аж до сентября, представляете? Чтобы сделали из него человека. Завтра прибудет, готовьтесь.

И подполковник с довольным видом удалился. Сотрудники не садились, мрачно смотрели на закрывшуюся дверь. Никто не выражался в адрес руководства. Подполковник Сергеев был хорошим человеком, а хороший человек имеет право на поганый характер.

– Лучше бы ревизор... – вздохнул Варламов.

– Зачем нам практикант? – выразил общее мнение Шабанов. – Вы как хотите, а я в няньки не нанимался.

– Пропало лето, – сокрушенно констатировала Лида.

Текущие дела требовали обильной писанины. На отчетах набили руку – строчили как секретари Александра Дюма. После обеда, который для большинства сотрудников приобретал условный характер, весь коллектив находился в отделе. Время посвящалось бумажной работе.

В этот исторический отрезок и появился посторонний. Вроде стучал, но на это не обратили внимания – радио исполняло концерт по заявкам радиослушателей. Скрипнула дверь, на пороге стоял молодой человек, почти мальчиш-

ка, – в мешковатом пиджаке, с оттопыренными ушами. На левом лацкане поблескивал комсомольский значок. Сумочка из кожзаменителя свисала с плеча. Он смущался, застенчиво мялся на пороге.

– Молодой человек, вы ошиблись, – буркнул Варламов, не отрываясь от бумаг, – покиньте помещение.

Парень дернулся, побледнел.

– Я к вам, здравствуйте... – у него был надрывный, ломающийся голос.

– Что вы хотели? – Алексей раздраженно швырнул ручку на стол.

– Так это... работать...

Сотрудники оторвались от своих занятий, дружно уставились на посетителя.

– Я из юридического института, к вам направили на практику... – молодой человек помялся, несмело подошел к столу Варламова (понял, что это старший), положил перед ним бумаги. – Вот мои документы: паспорт, направление, студенческий билет...

Варламов тяжело вздохнул, показал подбородком на Разина:

– К нему.

– Хорошо, спасибо...

Он испытывал чудовищную неловкость, облизывал пересохшие губы.

«То еще несчастье», – с ходу оценил Разин.

– Ой, какой маленький, – восхитилась Лида. – Хорошенький... Смотрите, ребята, и вправду, зеленый. Волнуешься, милый?

Шутливое замечание окончательно вогнало практиканта в краску.

– Ничего себе маленький, вон какой дылда, – проворчал Шабанов. – Ну все, теперь у нас раскрываемость просто по-прет.

– Сказали, что завтра придешь, – Алексей неприязненно оглядел нескладную фигуру.

– Зачем завтра? – молодой человек как-то подбоченился. – Товарищ подполковник Сергеев уже провел со мной беседу, сказал, что можно и сегодня... Работать хочу...

– Это пройдет, – прыснул Островой.

Алексей уныло перебирал предъявленные бумаги – словно надеялся, что они липовые.

– Зовут-то тебя как? – вкрадчиво спросила Лида.

– Виталик... Простите, Виталий Снегирев.

– Ну конечно, Виталик, как же иначе...

– Гы-гы, – заржал Шабанов.

– Ладно, прекращайте, – поморщился Алексей. – Не смущайте нашего перспективного работника. Блатной? – Он пронзительно уставился на парня.

– В каком смысле? – Виталик сглотнул.

«О, боже...»

– Мама с папой у тебя кто?

– Так это... Мама работает в институте вирусологии, отец – инженером по технике безопасности на заводе химконцентратов...

– Не блатной, – хмыкнул Крюгер, успевший выдуть кружек десять чая. – Разве что парочку боевых вирусов достать – для личного, так сказать, потребления. Я слышал, на заводе химконцентратов начали уран обогащать.

– Это не относится к делу, – нахмурился Алексей. – И вообще, составляет государственную тайну. Как учишься, студент?

– На пятерки...

– Это плохо, – покачал головой Алексей. – Но ничего, что-нибудь придумаем. Проживаешь с родителями? Не отвечай, это риторический вопрос. И что с ним делать, Виктор Павлович? – Разин повернулся к майору.

– Ты у кого это спрашиваешь? – разозлился Варламов.

– У вас, вы начальник отдела. Ладно, тоже не отвечайте, высокое руководство все за нас решило. Здоровье нормальное, Виталик? Не пьешь, не куришь, женщинами не интересуешься, потому как главное – это учеба?

– Да, все правильно, а как вы...

– Слушай и запоминай, приятель. Временно вливаешься в коллектив, знакомиться с сотрудниками будешь по мере работы. Никуда не лезешь, никакой инициативы, любое действие – только с нашей санкции. И запомни: чем меньше будешь умничать и лезть, куда не просят, тем больше шансов,

что тебе засчитают практику. Просто смотри и учись, как работают люди.

– Да, конечно, – практикант энергично закивал. – А свой стол у меня будет?

– Будет, – вздохнул Алексей. Хотел показать пальцем, но передумал, показал глазами: – Видишь дверь в углу? Там кладовка. Вытащи стол, только осторожно, чтобы остальное не посыпалось. И не смотри такими грустными глазами, тут нянек нет.

Они задумчиво наблюдали, как из темной комнаты, лампочка в которой перегорела еще в прошлом году, практикант выволакивает ободранный стол, на голову что-то валится, он выражается вполне литературно, пытается навести за собой порядок, отчего запускается цепная реакция, и в кладовке воцаряется полный хаос. К счастью, необходимых в хозяйстве вещей тем не держали, только старье – сломанный вентилятор, веники со щетками, лопату на случай субботника, остатки обоев и линолеума, подшивку «Известий» за 1975 год, пустые стеклянные банки из-под солений...

Виталик справился с заданием, придвинул стол к стене, извлек из кладовки стул с треснувшей спинкой, глянул, поджав губу, в зрительный зал.

– А что, руки растут откуда положено, – задумчиво изрек Шабанов. – Нормальный опер выйдет. Работай, студент.

– А пистолет мне положен? – не подумав, спросил Виталик.

– Положен, – кивнул Алексей. – Можешь купить в любом детском магазине.

– Только не водяной, – встрепелась Лида. – А то кто тебя знает...

Виталик снова надулся. Сотрудники прятали улыбки – что поделать, дедовщина.

Задребезжал телефонный аппарат. Варламов снял трубку, стал слушать. Тень озабоченности пробежала по начальственному челу. Он повесил трубку, мрачно оглядел присутствующих.

– У нас убийство. Ордынское шоссе. Патрульный экипаж уже там.

– А мы тут при чем? – насупился Шабанов. – Где мы и где Ордынское шоссе?

– Километр от Хилокского рынка, – пояснил Варламов. – Тело нашли в двухстах метрах от знака «Конец населенного пункта». Уже город, – он невольно задумался: или еще город? Без разницы, это откуда посмотреть. Ленинский район – без конца и без края, самый протяженный в городе. Население – сопоставимо с населением Брянска. – Так, поехали, – Варламов поднялся. – Студент остается в отделе, разбирает бумаги и отвечает на телефонные звонки.

– Товарищ майор... – убитым голосом забормотал практикант.

– Виктор Павлович, вы хорошо подумали? – испугалась Лида. – Доверить отдел этому сокровищу?

– Ну да, плохо подумал, – крякнул Варламов. – Все на выход, отдел закрыть. Радуйся, практикант, едешь на свой первый труп...

Глава третья

Гудело Ордынское шоссе – западный выезд из города. В оба конца шли тяжелые грузовики, «МАЗы» и «КамАЗы». Пыль на трассе стояла столбом. День в разгаре, на небе ни облачка. За спиной осталось кладбище, сравнительно тихий Хилокский рынок. По курсу – свалка, источающая умопомрачительные ароматы. Слева в низине дачные поселки – не лучшее место для загородного отдыха и самоотверженного труда на грядках. Справа находились механические мастерские, строился вспомогательный корпус – работал кран, жалась в узком проезде бетономешалка. «Слава советскому народу – ...» – извещал транспарант на фасаде мастерских. Окончание фразы загородил передвижной кран. «...Вечному строителю коммунизма», – мысленно закончил Алексей.

Проехать мимо одинокой милицейской машины на обочине было невозможно. Шабанов сбросил скорость, съехал на глинистую обочину. Вслед за «РАФом» подтянулась старая «Волга». Криминалисты извлекали из багажника свои рабочие инструменты. Старший наряда что-то докладывал Варламову. Выгружались неспешно – форсировать работу никто не рвался.

Переменился в лице практикант Снегирев – уже не рвался в первые ряды. Морщилась Лида, зажимала нос платком – дышать здесь можно было только гарью. Снова посмур-

нел Крюгер, утирал пот со лба. От тряски в микроавтобусе похмелье возвращалось. Подошел, прихрамывая, пожилой криминалист – Колкер Борис Давыдович, поздоровался за руку с Варламовым, кивнул остальным, смерил взглядом с иронией застенчивого практиканта.

«Может, зря мы так с парнем? – мелькнула правильная мысль. – Не успел оформиться – сразу с корабля на бал».

Спустились в заросшую травой водосточную канаву. Островой подал руку Лидии Александровне. За пустырем простирался кустарник, дальше – свалка металлолома. Лаяли бродячие собаки.

Труп лежал на дне канавы. На женщину легкого поведения, промышлявшую на этом отрезке дороги, потерпевшая не походила. Труп принадлежал молодой женщине лет 26–28, среднего роста, с хорошей фигурой. Она была одета в длинную плиссированную юбку, тонкую ветровку поверх нарядной блузки. На ногах – летние ботинки со шнурками. Она лежала на боку, неловко извернувшись, лицом вверх, по траве рассыпались каштановые волосы. Глаза погибшей были частично открыты. Во рту – кляп, похоже, скомканное вафельное полотенце. Руки были связаны за спиной бельевой веревкой.

– Так себе композиция, – прокомментировал Шабанов. – Жалко девчонку – симпатная.

Других комментариев не последовало. Судить о привлекательности потерпевшей было сложно – лицо свела судоро-

га. Видимых повреждений на теле не было. Оперативники осмотрели место. Следы отсутствовали – вообще. Практикант Виталик издал подозрительный горловой звук и спрятался за спину Лидии Александровны. Мертвое тело невольно приковывало взор. За что ее? Жила себе – и вот...

– Вроде кровь под головой, – подметила Лида. – Не растекалась, в землю впиталась.

– Переверните ее, – буркнул Варламов. – Не возражаете, Борис Давыдович?

– Мне ли вам возражать, Виктор Павлович, – вздохнул криминалист. – Переворачивайте, не стесняйтесь.

Шабанов справился в одиночку, присев на корточки. Виталик Снегирев снова что-то выдал, пулей вылетел из канавы и согнулся пополам, опорожняая желудок.

– Нормально, – пробормотала Лида, – романтический флер профессии начинает спадать.

Кряхтя, опустился на корточки Борис Давыдович. Затылочная кость у потерпевшей была проломлена. Он вытянул шею, всматривался, мотая на ус. Натянул резиновую перчатку, коснулся раны. Кровь впиталась в песчаную почву, вокруг головы ее было немного. Опустился на корточки помощник Колкера, открыл чемоданчик.

– Мы поработаем, молодые люди, хорошо? – Борис Давыдович поднял голову. – Кстати, обратите внимание, здесь тоже кровь, – он коснулся травы рядом с головой. – Она не бросается в глаза, поскольку засыпана землей.

– Работайте, Борис Давыдович, не будем вам мешать, – сказал Варламов. – Мы пока осмотримся. Эй, кто-нибудь видел практиканта? – Он завертел головой.

– Кусты осматривает, – проворчал Крюгер.

Практикант предпочел удалиться, блуждал по кустам на краю пустыря, словно искал там улики. Уж чего-чего, а улик там быть не могло.

– Да пусть, – отмахнулся Алексей, – лишь бы под ногами не путался. Зря мы его сюда привезли – ребенок еще. Обратили, кстати, внимание, на обочине брызги крови? – Он выбрался из канавы, присел на корточки, сделал паузу, дожидаясь, пока протарахтит тяжелый грузовик. – Вот, несколько капель. Жертву привезли сюда в багажнике легкового автомобиля или в кузове грузовика. Привезли, заметьте, живую. Вытащили, ударили чем-то тяжелым по затылку и сбросили в канаву. Падая, она зацепила откос, осыпалась земля – это по поводу крови. Дело происходило ночью, трасса пустая. В своих способностях убийца не сомневался – знал, что убьет с одного удара, поэтому вслед за девушкой в канаву не спускался.

– Похоже на то, – согласился Варламов.

– Ботинки туго зашнурованы, – сказал Крюгер. – Поэтому не слетели с ног во время падения. Рот заткнули, чтобы не кричала, руки связали, чтобы не брыкалась.

– Накрашена, но в меру, – подметила Лида. – На жрицу любви не похожа. Губы слегка подведены... были, пока по-

мада не размазалась. Тушь на ресницах – тоже в меру, обильно не потекла. Одета – не на бал, но прилично. Может, с кем-то собиралась встретиться?

– Борис Давыдович, что со временем смерти? – спросил Варламов.

Эксперт поднял голову:

– Если судить по температуре печени, Виктор Павлович, часов двенадцать – шестнадцать. Точнее скажу после вскрытия. Хотя и после не скажу – много времени прошло. Навскидку, смерть наступила от двух до трех часов ночи.

– Жертву изнасиловали?

– Ну, извините, – хмыкнул эксперт, – мы ей под юбку не лазили. По внешним признакам, сексуального насилия не было. Позднее, молодой человек, все позднее... Удар, если вам интересно, нанесли тяжелым стальным предметом с продолговатым заостренным выступом. Подумайте, что это может быть. И мы тоже подумаем...

– Почему ее так долго не могли обнаружить? – проворчал Островой. – Оживленная дорога, белый день...

– Канава, – объяснил Алексей. – Пешие здесь не ходят, только машины проезжают. Даже собаки ее не почуяли – иначе устроили бы пир на весь мир... Кстати, кто ее обнаружил? – Алексей повернулся к сержанту патрульно-постовой службы. Милиционеры еще не уехали, ждали указаний.

– Они, – кивнул сержант. По курсу, метрах в семидесяти от места происшествия, на обочине дороги стоял старень-

кий «Москвич-408». Пассажиры терпеливо ждали, не выходя из салона. – Пожилая семейная пара, – рассказывал патрульный, – ехали к дочери в Ордынку. Остановились, чтобы масла подлить в двигатель. Мужик и увидел труп. Перепугался, говорит, прыгнул обратно в машину, еще жена закричала: мол, мы тут ни при чем, наша хата с краю... Проехал немного, да, видно, совесть взыграла – остановился, побежал в мастерские позвонить. Вот сидят теперь, ждут, проявляют, так сказать, гражданскую сознательность.

– Из мастеровых, понятно, никто не подошел, – хмыкнул Варламов.

– Конечно, они же не дурные, – сержант оскалился.

– Островой, иди, опроси. Составь протокол, перепиши данные и пусть едут.

– Понял, товарищ майор, – Островой испарился.

Эксперты продолжали работать, отпуская деловитые замечания. Мертвая женщина была всего лишь материалом – вроде стальной болванки для фрезеровщика.

– При ней что-нибудь есть, Борис Давыдович?

– Ни-че-го, – по складам произнес эксперт. – Карманы только в ветровке – пустые, если не считать старого проком-постированного билета. Золотой кулон на шее – убийцу он почему-то не заинтересовал; дамские часики – уверяю вас, не швейцарские. Больше ничего – то есть совсем, молодые люди.

– Могу помочь, – подошел сержант. – Сумочка лежит в

этой же канаве – вон там, в пятнадцати метрах. Это ее сумочка, чья же еще? Мы не подходили, не доставали – а то начнете выражаться, мол, опять все следы затоптали.

– Молодец, сержант, – похвалил Алексей, – могли бы и сразу сказать.

Сумочку извлекли из канавы при помощи толстой ветки. Обычная женская сумочка – из белого, сравнительно качественного кожзама. Варламов лично проводил досмотр, работал в перчатках.

Убийца был со странностями: ценные вещи его не интересовали. Сбросил тело в канаву, туда же, только чуть дальше, швырнул сумку. Вещи высыпали на капот патрульной машины. Тряпочная косметичка с женскими принадлежностями – ничего импортного, все советское: помада, тушь, тени, пара тюбиков с какими-то кремами. Маленький блокнот с записями и кучей телефонных номеров, платки, солнцезащитные очки. Содержимое кошелька убийца не тронул (возможно, и не открывал сумку) – шесть рублей купюрами и немного мелочи. Из отдельного кармашка Варламов извлек паспорт, пролистал, передал Разину.

И вправду, симпатичная. С фотографии глядела большеглазая молодая женщина. Фото двухлетней давности, в позатом году ей исполнилось двадцать пять, она поменяла паспорт. Ермолова Екатерина Дмитриевна, уроженка этого города, место прописки – улица Станиславского, дом 4 (неплохой, кстати, дом у сада Кирова). Русская, детей нет,

не замужем, впрочем, была, есть штамп о разводе годичной давности.

– Еще грамота, почему-то сложенная вчетверо... – Варламов пожал плечами и развернул листок с вязью по периметру: – «Награждается Ермолова Е. Д., преподаватель русского языка и литературы средней школы номер 24, за высокие показатели в социалистическом соревновании, за добросовестное отношение к труду и активное участие в общественной работе... в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической...» Она, что, два года ее в сумке носила? Странное отношение к почетной грамоте, согласишься, Алексей.

– Лучше бы деньгами награждали, – отмахнулся Разин. – Ну, свернула, забыла, не на стенку же вешать. Подожди, какая школа?

– 24-я, а что? – Варламов насторожился.

– Да нет, ничего, просто проверить надо одну идею... Кинологов будем вызывать?

– А смысл? Сам понимаешь, не на горбу же ее сюда принесли. Привез, убил, сбросил и дальше поехал. Или развернулся и в город подался. Ночью тут вообще никого. Но сторожа в мастерских надо опросить – он мог видеть, как останавливается машина.

– Да всяк, что тут говорить, – фыркнул Шабанов. – Не могли ее подальше убить... Двести метров до знака. И пусть бы у верхтулинских оперов голова болела.

– Перенесем? – иронично предложил Варламов. – Может,

закопаем? Мечтайте, пока есть время.

Вернулся Островой с заполненным протоколом, ничего хорошего не сказал. «Москвич», застрявший на обочине, выстрелил облаком черного дыма и влился в движение. Подъехал «УАЗ»-«буханка» с санитарями из морга. Эксперты завершили работу, вылезли из канавы. Борис Давыдович криклет: старость не радость, силы уже не те, хоть рядом ложись с этой красоткой. Санитары с носилками спустились в канаву, переложили тело. Практикант продолжал блуждать по кустам, иногда выглядывал: не пора ли ехать обратно?

– Эй, юннат, чем занимаешься? – крикнул Островой. – Природу преобразуешь? Выходи, скоро поедем!

Санитары подняли носилки на дорогу, загрузили тело в задний отсек. Колкер отдал им распоряжение, куда везти, побрел к своей «старушке». Криминалисты уехали первыми. Санитары возились с задней дверью, она почему-то самопроизвольно раскрывалась. Шутили, что при резком торможении может произойти забавная история.

Внезапно за кустами залаяли собаки. Закричал человек. На пустырь вылетел перепуганный практикант с палкой в руке. За ним – вислоухая ободранная псина. Он обернулся, швырнул в нее палку. Собака увернулась, но сбавила обороты – скопление людей на дороге ей не понравилось. Она гавкала вслед практиканту, а тот бежал, заметно прихрамывая, и озирался. Собака затрусила обратно на свою свалку, Виталик перешел на шаг. Санитар прекратил упражнения с две-

рю, с интересом на него уставился.

– Собака укусила, – пожаловался Виталик.

Хрюкнул Островой.

– Поздравляю, боец, – вздохнул Варламов, – ты с ней поругался? Не поделили территорию? Я подозревал, что этим кончится. Лидия Александровна, окажите пострадавшему первую помощь.

– А что я-то? – возмутилась Лида. – Не буду я там у него смотреть!

– Да нет, она в ногу укусила, – студент чуть не плакал. Сыщики прятали улыбки.

– Сильно укусила? – посочувствовал Крюгер.

– Да, штанину порвала... – Место укуса действительно выглядело неважно, собачьи зубы выдрали ткань, сочилась кровь. Виталик сделал страдальческую мину.

– Казалось бы, и хрен с ним, – почесал затылок Шабанов. – Подумаешь, укусила. Кого из нас собаки не кусали? А вдруг бешеная? Кого тогда в первую очередь вздрючат? Укольник бы ему сделать против столбняка.

– Да я в порядке... – забеспокоился Виталик.

– Надо, студент, – уверил Варламов. – Объясни, зачем ты на свалку полез? Много улик нашел? В следующий раз умнее будешь. Давайте его в машину, – кивнул он на «буханку», – главное, не перепутать по прибытии, кого куда.

– Я отказываюсь, вы не можете меня заставить... – парень побледнел, как мертвец.

«Переборщили», – подумал Алексей.

– Ладно, живи, – передумал Варламов. – Лидок, лови машину, доставь пострадавшего в ближайшую больницу, пусть осмотрят и все сделают. Чем черт не шутит.

– А я говорила, что пропало лето, – напомнила Лида.

Она остановила катящую по шоссе «Ниву» – вытянула руку с открытым удостоверением. Выбора у автолюбителя не было. Виталик дохромал до машины, влез на заднее сиденье. Лида устроилась рядом с водителем, со злостью хлопнула дверцей. Остальные тоже заспешили – пора и честь знать.

В половине седьмого вечера никто не расходился. По пространству плавал табачный дым. Некурящий Островой включил вентилятор, гнал дым от себя.

– Сделаем неутешительные выводы, – объявил Варламов. – Зверски убита женщина 27 лет по фамилии Ермолова, предположительно преподаватель 24-й средней школы. Повторяю – предположительно. Неизвестно, как долго у нее валялась эта грамота, она могла сменить работу. О родственниках ничего не известно. Патрульные съездили на адрес, указанный в паспорте, дверь никто не открыл. По словам соседей, после развода женщина жила одна. О том, что она погибла, сотрудники промолчали. На место убийства ее привезли в ночное время – связанную, с кляпом во рту, ударили по голове и сбросили в канаву. Почему именно на этом участке шоссе – неизвестно. Гражданин Голубков, обнару-

живший тело, ничего полезного не сообщил. Каморка сторожа находится в двухстах метрах от места происшествия, но он, естественно, ничего не видел. Спал, поди, без задних ног... Полового контакта с жертвой не было – Борис Давыдович уверен. Ни естественного, ни противоестественного. Это не ограбление, деньги и кулон на месте. Чужих отпечатков пальцев на ручках сумочки эксперты не выявили. Время смерти остается тем же – два-три часа ночи. На теле есть ссадины и синяки – жертва оказывала сопротивление. Кляп во рту – белое вафельное полотенце. На нем сохранился размытый штамп, но в таком состоянии, что эксперты не смогли его прочесть. Можем предположить, что изначально полотенце числилось за неким учреждением. Руки связаны обычной бельевой веревкой, такие продаются в каждом хозяйственном магазине. По тому, как она вдавилась в кожу, эксперт сделал предположение, что в связанном виде потерпевшая находилась долго, не меньше четырех часов. Видимо, преступник ждал, пока уснет город. Также Борис Давыдович предположил, что орудие убийства – тяжелый разводной ключ с рукояткой не менее тридцати сантиметров и продолговатым заостренным клювиком, которым, собственно, и нанесли удар. Острый предмет раскроил череп – причем с одного удара. Убийца явно мужчина.

– Почему решили, что он был один? – вставил Алексей. – Убийц могло быть двое и даже больше. Среди них могла быть и женщина.

– Соглашусь, – допустил Варламов. – И все же смертельный удар нанес мужчина.

– И еще, – сказал Крюгер. До этого казалось, что он спит. – Преступник явно не возражал, чтобы мы узнали имя убитой – любезно оставил в сумочке ее паспорт.

– Мы бы все равно узнали, – поморщился Варламов.

– Но когда? Могли провозиться неделю. Чем дольше проводится идентификация, тем больше у преступника шансов избежать ответственности.

Мысль была, возможно, интересной. Но обсудить ее не успели. Отворилась дверь, вошла подрагивающая от смеха Лида. За ней, потупив голову, плелся практикант. Кисть левой руки была перебинтована, на свободе оставались только пальцы. Сотрудники замерли в предвкушении.

– Объяснись, Лидок, – потребовал Варламов. – Нашего сына полка вроде собака в ногу укусила?

– Опять смеяться будете, – буркнул практикант и двинулся к своему столу.

– Будем, – подтвердила Лидия. – Извини, Виталий. С ногой как раз порядок. Отсидели очередь, врач осмотрел, подлечил, на всякий случай сделал укол и сказал, что дело житейское. Ветер подул, а окно забыли закрыть на шпингалет – распахнулось. Виталик был ближе всех, доктор попросил его не в службу, а в дружбу закрыть окно. Виталик закрыл... после чего пришлось обрабатывать еще и руку... – Лида всхлипнула: – Малыш, не обижайся, понимаю, что тебе было

больно, от души сочувствую, но это правда смешно...

Народ оживился, посыпались комментарии. Практикант исподлобья взирает на свой новый коллектив (очевидно, ничем не отличающийся от студенческого), потом отвернулся, выражая полное презрение.

– Так, хватит, – Варламов смахнул с глаз набежавшую слезинку. – На чем мы остановились? Сегодня уже поздно, все закрыто. Утром проработаем школу, коллег – если потерпевшая в ней работала. Что она делала вчера, как собиралась провести вечер. Возможно, делилась с кем-то планами. Отработать круг знакомых, выяснить, есть ли у нее родственники, с кем общалась помимо работы. Бывший муж, нынешний молодой человек – если таковой в природе существует. Были ли конфликты, разногласия, кто последним видел ее живой... Не знаю, поможет ли эта информация, но на потерпевшей было нарядное кружевное белье – явно не из дешевых. Я не эксперт, есть дамы, которые всегда носят дорогое белье, скажем, для повышения самооценки...

– Вы точно не эксперт, Виктор Павлович, – перебила Лида. – Но я уже сделала предположение и не собираюсь от него отказываться: Ермолова собиралась на встречу. Рискну добавить, что на свидание.

Виталику надоело сидеть, он поднялся, прошелся вдоль стены, уставился на портрет Дзержинского в тяжелой застекленной рамке. Отошел на шаг, присмотрелся. Портрет висел немного криво. Он подошел, чтобы поправить, вытянул ру-

ки.

– Виталя, нет! – запоздало ахнула Лида.

Капроновая веревка, на которой висел портрет, сорвалась с гвоздя! Портрет не разбился, но чувствительно ударил парня по макушке! Все ахнули. Почему изделие не упало на плинтус, а сменило курс, осталось загадкой. Виталик машинально перехватил картину, дрожащими руками приставил ее к стене. Что-то хрустнуло, ясный лик Феликса Эдмундовича подернулся морщинами.

– Твою-то мать... – выдохнул Шабанов. Виталик застонал, доплелся до своего стола, сел, обхватив голову. Смеяться не хотелось – все в меру. Подскочила Лида, стала ощупывать парню голову.

– Все в порядке, кость цела, – вынесла она вердикт, – Ничего, маленький, поболит и перестанет. Слушай, калека по работе, и часто с тобой такое?

– Я понял! – прозрел Островой. – Это «человек-катастрофа»! Он же «33 несчастья», что там еще? Бывают такие люди, которые на пустом месте наживают себе неприятности! Постоянно во что-то влипают, попадают под машины, ломают руки-ноги, их бьет током, они горят, тонут, любая работа валится из рук. Если из стены вываливается кирпич, то именно им на головы. Они притягивают к себе проблемы – к счастью, мелкие, иначе жили бы недолго...

– Да перестаньте вы! – взмолился студент и ахнул, схватившись за голову. Старый разохшийся стул под парнем

хрустнул, но устоял. Виталик застыл, уперся ногами в пол.

– Ну, все, – Варламов захлопнул лежащую на столе папку. – На этой мажорной ноте позвольте закончить этот непростой рабочий день. Завтра попрошу не опаздывать. А вас особенно, Виталий Сергеевич, не забывайте, что до сентября вы работаете в нашем отделе. Вам тоже будут поручения.

Виталик оторвал руки от головы и, кажется, удивился...

– Слушай, это странно, – изрекла соседка Валентина, всматриваясь в лицо лежащего рядом мужчины, – мы провели замечательные выходные, я старалась, ты старался, и даже моя мама старалась. Все было так хорошо, что тебя опять ко мне потянуло? Не верю. В этом заложен подвох. Колись, сосед. Раньше пятницы я тебя не ждала.

Они лежали в кровати, Валентина была без одежды, Алексей тоже не больно-то облачен. Оба тяжело дышали, еще не унялось сердцебиение. Говорить о работе пока не хотелось.

– Наверяло что-то... – он погладил ее по волосам, чмокнул в нос.

– Это мило, – признала соседка, – а подробнее?

– Хорошо, – Разин вздохнул. – Хочу воспользоваться своим служебным положением, так сказать. Тебе знакома некая Ермолова Екатерина?

– Конечно, – Валентина отстранилась, ее глаза удивленно заблестели.

– Она работает в твоей школе?

– Да... – Валентина поколебалась, – тоже преподает ли-

тературу и русский язык – с четвертого по восьмой классы. Иногда мы заменяем друг друга. Сегодня, кстати, она не пришла в школу, и это странно. Девушка ответственная. Занятия закончились в мае, но преподаватели обязаны приходить в школу. Составление планов, работа с методическими пособиями, скоро будет ремонт, к которому тоже надо подготовиться... Ей звонили несколько раз, но никто не брал трубку. Потом директор отправил гонца – благо проживает она недалеко, тот вернулся ни с чем, оставил в почтовом ящике записку... А почему ты спрашиваешь? – Валентина забеспокоилась.

Гибель ее коллеги государственной тайны не составляла. Алексей скупово поведал о случившемся. Соседка побледнела, выбралась из кровати, стала метаться по комнате. Потом вернулась в кровать, закуталась в одеяло.

– Так неожиданно... Страшно... Как жаль девчонку... Ей только двадцать семь исполнилось, весной приносила торт, поздравляли, пили шампанское, желали счастья и долгой плодотворной работы... Она хорошая была, немного себе на уме, но все равно хорошая... Кто ее убил, Алексей?

– Выясняем. Ее не хотели грабить, насиловать, здесь что-то другое. Пока не понимаем. Но расследование только начинается.

– Какой ужас... – Валентина не могла успокоиться. – Почему именно Катя? За что?

– Давай без вопросов. Ответов пока нет. Ты узнала пер-

вой, но не надо это рекламировать. Завтра в вашей школе будет работать милиция. Не уверен, что появлюсь лично. Попробайся что-нибудь выведать. Особенно интересны вчерашний день и вечер. Ты хорошо ее знала? В паспорте – штамп о разводе. Что по бывшему мужу? Есть ли молодой человек? Есть ли родители? Помоги, Валентина, в долгу не останусь...

Соседка невесело засмеялась:

– Хотелось бы посмотреть, что в твоём понимании означает «не остаться в долгу». Теперь понимаю, почему ты здесь... Ладно, не обижаюсь, дело серьезное.

Вещи, о которых она рассказывала, еще больше портили настроение. Катюша Ермолова оказалась непростой девушкой. Приветливая, говорливая, но если хотела что-то таить, утаивала. Родители тоже были непростые. Вернее, папа – действующий военный в звании полковника, занимающий неслабый чин в штабе Сибирского военного округа.

Алексей приуныл: можно представить, какая пойдет волна. Папа постарается. Шишки посыплутся на подполковника Сергеева, а тот ударит из всех стволов по подчиненным. Терзало предчувствие, что с этим делом придется повозиться. Пять лет назад Екатерина окончила местный педагогический институт, год отработала в сельской школе, потом устроилась в городе. Отвергала отцовскую протекцию, все делала сама.

Отношения с родителями (по крайней мере, с кем-то из них) сохранялись прохладные, и вряд ли следовало лезть в

эти дебри. Пусть она и не являлась папиной дочкой, неприятные последствия никто не отменял.

Замуж Екатерина вышла три года назад – за героического пожарника Павла Ермолова. У того имелась комната в коммуналке на правом берегу, у Кати – однокомнатная квартира в жилом комплексе на окраине. Хитрыми манипуляциями объединили жилплощадь в хорошую квартиру на улице Станиславского (в трех кварталах от капитана Разина). Высокие потолки, просторные комнаты – всего две, зато какие! Детей не завели – тянули, да так и не сложилось. Героический пожарник оказался так себе фигурой – любил ходить налево. Брак распался, муж ушел к другой. Тихо-мирно, без скандала, при этом квартиру щедро оставил брошенной жене. Год прошел, а на жилплощадь не претендует, хотя по закону имеет право на часть кубатуры.

– Ты уверена, что не было скандала, что они не ссорились из-за квартиры, что бывший муж не собирался ее распилить?

– Ты так говоришь, словно это я разводилась и держала оборону. С историей я знакома только в общих чертах. Иногда мы вместе обедали, общались в свободное время. Катюша крыла благоверного последними словами, но признавала, что в квартирном вопросе он проявил благородство. Возможно, пожарник знал, что, если он покусится на жилплощадь, в бой вступит тяжелая артиллерия в лице папы.

– А что сейчас? Кому достанется квартира после смерти Екатерины?

– Не пытай, не знаю. У него и спросите. Вдруг окажется, что он до сих пор там прописан? Но ты же не думаешь, что таким зверским образом он решает свой квартирный вопрос?

Алексей ни о чем не думал, продолжал расспрашивать. Подругами женщины не были, но относились друг к другу ровно, делить им было нечего, кроме учительских ставок. На вопрос, появился ли новый мужчина в жизни Екатерины, соседка поколебалась, но ответила утвердительно.

– Странный какой-то. Я только раз его видела, мельком... знаешь, мне он не понравился. Но дело хозяйское, мне с ним детей не рожать и внуков не растить.

Алексей заинтересовался. Этот парень пару недель назад встречал Екатерину после работы. Стоял за углом, стеснялся, что ли. Валентина случайно оказалась на той дороге, нужно было заскочить в ателье. Мужчина молодой, лет тридцати, бросился к Катюше, заулыбался, что-то зачирикал. Вроде и смазливый, и одет неплохо, но что-то с ним не то. Дерганный какой-то, скользкий, улыбался так, словно ему парализующий укол вкатили. Прыгал вокруг Екатерины, частил без остановки. Но это точно ее парень – Екатерина взяла его под руку. Немного прошли, поцеловались, дальше отправились. Соседка не следила за ними, тем более, свечку не держала.

– И давно у них?

– Может, с месяц, – Валентина помялась. – Не скажу, что Екатерина была счастлива, но на безрыбье, как говорится...

В общем, третий сорт – не брак. Особо о своем избраннике не распространялась, но говорила, что с ним весело. Экземпляр своеобразный. Болтун, хохмач, но может притвориться элегантным, воспитанным, даже интеллигентным. Катюша этого типа никому не показывала – стеснялась, наверное. В школу он не приходил, коллегам глаза не мозолил. На торжественное собрание с таким прийти – не лучшая затея. Виделись после работы, в выходные – то ли у него, то ли у нее, не знаю. Что-то там было не так... не могу подобрать определение. Однажды Катюша попросила у меня в долг – червонец до зарплаты. Мне не жалко, просто удивилась – у нас же аванс был позавчера. Катюша расстроилась, стала вздыхать. Дала я ей этот несчастный червонец, а еще подумала: не дай бог этот ловелас у нее деньги таскает...

Что-то подсказывало: добровольно этот тип не объявится, придется искать.

– Что ты знаешь про него, Валюша? Имя, фамилия, адрес, место работы?

– Да ну тебя, – фыркнула соседка, – я ее пытала, что ли? Мне это не нужно. Нравится этот пудель – совет да любовь. Подожди... имя у него такое дурацкое... то ли Арнольд, то ли Альберт... Точно – Альберт. Смеялась еще – имя, как у Эйнштейна. Работает... то ли на телевидении, то ли... В общем, где-то около. Оператор, звукорежиссер, художник-постановщик... Мелкого, разумеется, пошиба, кто подпустит такого к серьезным делам? Рассказывала, ехали однажды на

автобусе по улице Немировича-Данченко, он и говорит: вот, мою работу проезжаем... А что у нас на улице Немировича-Данченко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.